

Как не надо писать рецензии

Вадим Руднев. Делёз говорит // Логос. 2016. Т. 26. № 1.
С. 162–168.

НАЗАЛОСЬ бы, рецензии на печатные работы — дело второстепенное по сравнению с собственным творчеством. Тем не менее они требуют усилий, направленных на понимание сказанного другими. Этика научной работы задает объективность в изложении чужих мыслей, хотя бы и с критическим уклоном. В нынешние времена, однако, некоторые рецензенты предлагают читателю не обзор и осмысленные книги, а, скорее, свои фантазии и идиосинкратическое видение проблем, которые не имеют прямого отношения к книге и ее автору. Такие рецензенты спешат продемонстрировать свою эрудицию, разбрасывая по страницам имена, факты, домыслы, анекдоты, незрелые оценки, обрывки концепций и теорий, не заботясь о том, чтобы привести получившееся попури в более или менее пристойный вид.

Если такой вердикт покажется излишне строгим, почитайте рецензию Вадима Руднева на книгу Жюль Делёза «Лекции о Лейбнице»¹, опубликованную в журнале «Логос».

Первой бросается в глаза развязность рецензента: «„История философии“ Рассела поверхностна, легковесна, остроумна, глумлива, когда речь идет о религии» (163). Начнем с того, что уже на-

Вадим Руднев — наш коллега и близкий друг редакции «Логоса», поэтому критику в его адрес мы принимаем и на свой счет. Однако мы сочли возможным и нужным опубликовать довольно резкий отклик на недавнюю рецензию Руднева в порядке самокритики и работы над собой. Разумеется, если Вадим захочет ответить, такая возможность будет ему предоставлена. — *Прим. ред.*

1. См.: Делёз Ж. Лекции о Лейбнице: 1980; 1986/87. М.: Ad Marginem, 2015.

звание книги Бертрана Рассела указано неверно (это «История западной философии»). То, что Вадим Руднев обнаружил глумливость и поверхностность в отношении религии в книге, треть которой посвящена католической философии, не удивляет — навряд ли он вообще заглядывает в книги, что видно из знаменитой истории о его переводе названия книги *Wittgenstein's Poker* как «Покер Витгенштейна»². Снисходительность к Расселу — «глава о Лейбнице написана с толком» (163) — тут же сопровождается несусветным ляпом. Оказывается, Готфрид Лейбниц скрывал от современников свою тайную философию, о которой говорит Рассел, «из справедливого, по-видимому, предположения, что они не доросли до его философских откровений, таких, например, как семантика возможных миров, которую позже, примерно через 250 лет после смерти Лейбница... переоткрыли Сол Крипке и Яакко Хинтикка» (163). Похоже, рецензенту неизвестно, что семантика возможных миров относится к формальной теории модальных логик и никак не может быть «переоткрытием» теории Лейбница, а может быть лишь экспликацией его расплывчатой идеи. Но имена разбрасываются с необыкновенной легкостью, дабы создать впечатление, будто рецензент знаком с тем, что сделали эти люди: «последний великий постаналитик Дэвид Льюис» (166), «Артуго Тосканини, невероятно фальшивя, исполняет 12-ю симфонию Бетховена» (167), «подлинный бред Борхеса» (167).

Блистательна фраза Руднева: «Насколько я помню, Делёз не читал Сола Крипке, и вообще все горе-аналитики вплоть до Витгенштейна были ему глубоко неприятны — об этом он прямо говорит в лекциях, ведь он метафизик» (164). Элегантный ход — «насколько он помнит». Не надо ничего вспоминать, чтобы быть уверенным: Делёзу не нужен был Крипке, поскольку любому компетентному читателю известен круг чтения аналитических и континентальных философов. Очевидно, из-за того что Делёз не читал Крипке, мы имеем дело с «горе-аналитиками», а иначе непонятно, почему они так назывались. Предположу, что «горе-аналитики» они потому, что их не читал и Руднев; лучше бы он

2. См.: *Edmonds D., Eidinow J. Wittgenstein's Poker: the Story of a Ten-Minute Argument Between Two Great Philosophers.* N.Y.: HarperCollins, 2001 (рус. пер.: *Эдмондс Д., Айдиноу Дж.* Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между двумя великими философами / Пер. с англ. Е. Канищевой. М.: НЛО, 2004).

даже названий их работ не видел, потому что мешанина получается невообразимая.

При попытке передать, что имеется в виду под необходимостью истины у Лейбница, Руднев отваживается на диковинные экскурсы: «Ведь что такое возможный мир согласно Крипке и Хинтикке? Это мир, соотносимый с действительным» (164). Это «откровение» Руднева заслуживает комментария. То, что Крипке предпочитает алетические модальности, а Хинтипка — эпистемические и что между ними есть существенное различие, рецензента не волнует в силу его незнания. Но читателю не просто намекнули, а прямо-таки вдолбили в голову, что Руднев на короткой ноге с Крипке и Хинтижкой и потому может свободно обсуждать проблему возможных миров. И тут он совершает другой кульбит, обращаясь уже к многомировой интерпретации квантовой механики Хью Эверетта согласно некоему Михаилу Менскому:

... мы одновременно живем в параллельных мирах, но воспринимать этот удивительный факт нам мешает сознание, создающее иллюзию того, что мы живем лишь в одном мире (в том самом, который теоретики классической семантики возможных миров в 1970-е годы называли действительным) (164).

Оказывается, что параллельные вселенные в квантовой механике и возможные миры в модальной логике (теперь это уже «классическая семантика») — это одно и то же!

Далее Руднев, похоже, излагает то, как Делёз понимает Лейбница. Это своеобразное изложение: проникнуть в мысль постмодернистских философов — задача трудная, и она никак не упрощается пересказом Руднева. По поводу монад он сообщает:

Это монады-шизоиды, как и сам Лейбниц [!] <...> В монаде заложены все возможности. Получается, по Лейбницу, не семантика возможных миров, а семантика действительных миров (165).

Итак, что же, с точки зрения Руднева, Делёз говорит о Лейбнице?

Делёз не противоречил Лейбницу. Делёз не придумывал его... И вот доказательство этому. Если изучать Лейбница в интерпретации Делёза, то получается, что если одна пропозиция содержит в себе весь мир и все другие пропозиции тоже содержат в себе весь мир, то пропозиции «Адам согрешил» и «Цезарь

перешел Рубикон» друг от друга почти ничем не отличаются — обе отражают тотальность мира. Если брать множество возможных миров, в одном из которых Адам не согрешил, а Цезарь не перешел Рубикон, то можно сказать, что в этой сверхтотальности Цезарь согрешил, а Адам перешел Рубикон, что будет одно и то же. <...> Что же в свете сказанного означает пропозиция «Я говорю, что A не равно A »? Оба мира действительны: и тот, в котором A равно A , и тот, в котором A не равно A (Хинтикка такой мир называл невозможным возможным миром) (166).

Увидев такое, читателю впору схватиться за голову. Во-первых, проблема возможного невозможного мира является одной из интересных проблем модальной логики, и Хинтикка не первый, кто обращался к этой проблеме. Во-вторых, у Хинтикки речь идет о логически невозможных, но эпистемологически возможных мирах, которые у Руднева одним миром мазаны как «действительные миры». Он попросту не различает пропозициональные установки в отношении мира от самого мира, хотя это должен уметь делать каждый студент. Но если далее все высказывания (пропозиции) рецензент объявляет бредом, то спрос с него невелик:

«Адам согрешил» и «Цезарь перешел Рубикон» — это предложения, совозможные миру согласованного бреда. Но за ними ничего не стоит. Никаких событий (167).

Все эти вещи, по Рудневу, Делёз приписывает Лейбницу. «Надо сказать, и сам Делёз говорит о безумности и галлюцинаторности взглядов Лейбница» (166).

Руднев не затрудняет себя аргументацией, как и герой его рецензии Делёз; он все мешает в одну кучу. Вот образчик его преподнесения некоторых идей:

Лейбницевский Бог создает все сразу, все миры одновременно. И все они действительны. В этом смысле мальчик и ест мороженое, и нет. Сознание мешает нам воспринять то, что, по Лейбницу, все уже создано в субъекте, в монаде: и тот факт, что мальчик ест мороженое, и тот, что он его не ест. Наша реальность носит квантовый характер, а это значит, что в ней господствует вероятность. Может быть, так, а может, и противоположным образом. Как именно, мы не знаем. В полемике Канта с Лейбницем Делёз занимает позицию Лейбница (165).

Один этот абзац посылает читателя в нокдаун. Он может недоумевать: почему же у Лейбница все миры действительны и как быть с «лучшим из всех возможных миров»? Можно ли мешать монаду с субъектом (последний, видимо, подразумевается в контексте концепции аналитического суждения, когда субъект содержит в себе предикат, — но попробуй догадаться об этом!)? В каком смысле Лейбниц терпит противоречия (даже Бог у Лейбница не может нарушить законов логики), допуская одновременно поедание и непоедание мальчиком мороженого? И при чем здесь квантовый мир с его вероятностными законами, если речь идет о логических возможностях? И что имеется в виду, когда говорится о нашем незнании вероятностных законов? Если и есть тут проблемы, то уж никак не в виде «может быть, так, а может, и противоположным образом. [!] Как именно, мы не знаем». Какая полемика Канта с Лейбницем имеется в виду?

Слова и термины Руднев разбрасывает с необыкновенной легкостью — с намеком, что читатель должен «догонять» его (извинения за «элоквенцию»), — из туманных намеков и непрожеванных ассоциаций создавая впечатление собственной глубины и эрудиции. Перескоки от логики к метафизике, от метафизики к физике, приписывание неверных взглядов мыслителям («Шерлок Холмс действительно жил на Бейкер-Стрит, как показал когда-то последний великий постаналитик Дэвид Льюис»), уравнивание бреда Делёза и собственного с осмысленным дискурсом — не лучший способ философствования. Если Руднев является поклонником Делёза, тогда не стоит для объяснения его идей привлекать квантовую механику, современную логику и все, что имеет отчетливый привкус рационального мышления. Если же Руднев не приемлет континентальной философии с ее туманной риторикой, тогда неплохо было бы просветить публику по поводу того, что хотел все-таки сказать тот же Делёз, скажем, по поводу Лейбница. Но, похоже, есть третий вариант, к которому склоняется сам Руднев, а именно: объявить все просто бредом. Тогда *anything goes!*

Что ж, даже если Делёз просветил публику по поводу безумия и галлюциаторности Лейбница, то пересказ этой волнующей интерпретации рационалиста Лейбница устами Руднева является апофеозом того, как не надо писать рецензии. Торжествующий крик Руднева в конце рецензии «В полдневный жар в долине Дагестана» (Руднев утверждает, что, по Делёзу, Лейбниц «кричит») вполне ожидаем в силу его своеобразного понимания своей роли

в качестве пересказчика чужих идей. Тот самый «поверхностный» Рассел говорит в своей «Истории западной философии» следующее: «Я предпочел бы, чтобы мои слова передавал мой злейший враг среди философов, чем друг, не сведущий в философии»³. Читателю решать, друг ли Руднев Делёзу.

Виталий Целищев

3. Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней / Под науч. ред. В. В. Целищева. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2003. С. 33.